

Аиқи адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ ВЫПУСК 16-17 (52-53)

(Продолжение. Начало см. в выпуске 15)

Полеводство, садоводство, пчеловодство. Осенью 1837 г. «зерна исключительно много». (Белл Дж. Дневник пребывания в Черкесии в течение 1837-1839 годов. Пер. с англ. К. А. Мальбахова. Т. 1. Нальчик: «Эль-Фа», 2007. С. 347).

Основные злаковые культуры, которые, согласно Беллу, выращивались в Натухае – просо, рожь, ячмень, овес – «в таком порядке объема», а также «небольшое количество кукурузы и очень малая часть пшеницы». (Там же. С. 347).

При поездке из Большого Шапсуга в Пшат Белл замечает: «В каждой деревушке (как, по правде говоря, и во всем kraе) можно увидеть хорошо огороженные и засаженные капустой, луком, фасолью и другими бобовыми, коноплей, льном, табаком и селитровой травой огороды». (Там же. С. 158).

Белл в верхнем Пшате: «Сад в этой деревушке находился в отличном состоянии, и ее конопля была самым лучшим из многочисленных красивых насаждений, что я до той поры видел». (Там же. С. 164).

Пасека в верхнем Пшате: «большое овальное пространство, окруженное солидной изгородью и содержавшее не менее семидесяти семи улей, все полные, в то время как готовились многие другие для новых пчелиных роев. Эти улья сделаны из ивы, обмазанной отвердевшей под солнцем глиной. Мне сказали, что мед снимается, не уничтожая пчел». (Там же. С. 168).

Сведения и впечатления Белла находят полнейшее подтверждение в одновременных ему двух детальных дневниках русских офицеров, участников экспедиции на Пшат и Вулан (Чепсин) отряда Вельяминова в мае-июне 1837 г. Так, автор, подписавшийся как Н. М., отмечал: «Здесь все ущелья и отлогости гор обработаны и засеяны ячменем, пшеницей и кукурузой. По обширным засевам можно было судить о большом населении этих мест, и упорное сопротивление горцев при занятии ущелья (Пшата). – Прим. С. Х.) убедило нас в этом»; «густые рощи, из которых выглядывали аулы, под навесом виноградных лоз и роскошной тени дубов и буков, увитых плющом». (Н. М. Воспоминание о

ПШАТСКАЯ ДОЛИНА: НАСЕЛЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВО ПРИМОРСКОГО РАЙОНА ЧЕРКЕСИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Кавказе 1837 года // Библиотека для чтения. Т. 80. Ч. 1. СПб., 1847. Январь. Отд. III. С. 66). Заняв Пшат, Вельяминов двинулся на Чепсин: «Виноградные лозы вились повсюду, плодовые деревья красовались рощами; тут были и душистые персики, и ароматная айва, и сливы и яблоки, огромные деревья грецких орехов, и все это в величайшем изобилии!.. Отдохнув на вершине хребта, мы стали спускаться в долину, которая роскошно расстилалась под нами; хлеба густо волновались на ней... По этой дороге нам встречалось множество обширных аулов, хорошо, даже красиво выстроенных... Все покатости гор, удобные для хлебопашества, были засеяны просом и другими хлебами. По долинам ущелья разнообразились огороды и обильно созревали всякие плоды и ягоды... В богатых аулах встречались хорошо устроенные кузницы и одна из них была особенно примечательна обширностью своей и тем, что находилась у подошвы горы, богатой железной рудой. Тут устроены были горны и стояло несколько отличнейших, чугунных, больших точил, что заставляет предполагать в здешних горцах знание какого-нибудь искусства; вероятно, они делают оружие». (Н. М. Воспоминание... // Библиотека для чтения. Т. 81. Ч. 1. СПб., 1847. Март. Отд. III. С. 2, 4, 8).

Хозяйственная деятельность и хозяйственныe связи. Хозяйство жителей пшатской долины Марини в 1818 г. описывает как в значительной степени натуральное, но при этом во многом ориентированное на внешний рынок и зависящее от поставок значительного ассортимента товаров: «В каждом хозяйстве изготавливается все, что необходимо его обитателям. Женщины заняты главным образом изгото-

лением сукна из светлой ткани, очень похожей на фланель, бурок, подушек для седел, холста, одежды, обуви, галунов, футляров для сабель, ружей и пистолетов. Подобно гомеровским княжнам, черкесские княжны также не освобождаются от этих работ, в которых они добиваются большой славы, чтобы отличаться от своих подданных. Мужчины плотничают, изготавливают ружья, отливают пули, делают очень хороший порох и очень плохо дубят кожи, зажимая их между двумя кусками дерева. Кузнецами и ювелирными делами занимаются очень немногие мастера. Кузнецы изготавливают ножи, топоры, гвозди, железные наконечники для стрел и прекрасные кинжалы. Ювелиры украшают серебром оружие, пороховицы, пояса и т. д. Трудно представить себе совершенство этой работы, красоту и четкость рисунка, который они чернят с помощью кислоты. В основном только турки доставляют им стволы ружей и пистолетов и сабли, которые они оправляют в своей манере. Среди этого оружия я видел много вещей европейского производства и между прочим сабли, которые по большей части были венецианскими или генуэзскими. После вторичной закалки они шлифуют их, чтобы убрать третью ширину клинка, что лишает их гибкости. Шлемы, кольчуги и луки они получают из Персии. Эти вещи покупаются в небольшом количестве, и то, что у них есть, переходит от отца к сыну и составляет их основное наследство. Я думаю, что их можно насчитать 20 тысяч». (Марини Т. де. Поездки в Черкесию / Пер. с франц. К. А. Мальбахова. Нальчик: «Эль-Фа», 2006. С. 70-71).

Что мог поставлять на внешний рынок такой отдельный экономический район, как

русских пленных. (Характерно, что российский наблюдатель не склонен признавать за горцами знание сложных приемов полеводства или садоводства. – Прим. С. Х.). Вся баранта угнана в горы, здесь пропасть аулов, что и было причиной их упорной защиты». (Дневник поручика Н. В. Симановского. 2 апреля – 3 октября 1837 г., Кавказ // Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. СПб.: Журнал «Звезда», 2000. С. 397).

Основные животные в стаде – коровы и козы, продажа шкур которых регулярно упоминается. По всей видимости, в данном районе овцеводство было менее популярным занятием.

Мехмет Индароко подарил Марини быков, вид которых натолкнул последнего на мысль о налаживании такого промысла как засолка мяса, «что должно было бы дать блестящие доходы». (Марини Т. де. Поездки... С. 96). Марини сообщает о том, что «канапские турки занимаются этой отраслью производства в пользу Константинополя». Следующая бизнес-идея француза была связана со значительным объемом козьих шкур, из которых он предполагал наладить производство сафьяна: «Вознаграждение за коз и их шкуры было бы также весьма значительным. Я подумал, что изготовление сафьяна могло бы стать важным делом в этой стране, где он продаётся за 15-18 турецких пиастров при большой потребности в нем». Индар-оглу одобрил эту идею и выразил готовность обеспечить спокойную работу такой мануфактуры.

Заготовка древесины дуба и других пород (пихты, можжевельника) также упоминается Марини. (Там же. С. 91).

Население Пшата умело пользоваться теми преимуществами, которые предоставляет море. Марини упоминает о найме «шлюпок у местных жителей» для разгрузки товара со своего судна. (Там же. С. 84). Плавали не только по морю, но и по рекам: Марини упоминает плывущего «в пироге» по Пшату местного жителя. (Там же. С. 94).

Марини отмечает, что, находясь в керченском карантине, европейские купцы – англичане, испанцы и другие – задавали ему много вопросов относительно Черкесии, отвечая на которые «вызывали у них

ПШАТСКАЯ ДОЛИНА

большое желание отправиться туда». (Там же. С. 97). Со своей стороны, Индар-оглу был весьма польщен тем, что его кунак рекомендовал его европейским капитанам.

Выращивание табака и технических культур.

В 1840 г. начальник Черноморской береговой линии ген.-л. Н. Н. Раевский писал: «Вдруг являются предметы, о существовании которых никто не подозревал, например, на днях открыли, что у натухайцев растет табак отличной доброты. Между анапскими поселениями находятся ремесленники, некоторые из них взялись за новый промысел; и теперь в Анапе и Новороссийске стали делать сигары, они так дешево обходятся, что даже солдаты их курят». (Записка ген.-л. Раевского о торговле с горцами и переселении на восточный берег // Акты Кавказской археографической комиссии [Далее – АКАК]. Т. IX. С. 474).

Шелководство. Белл сообщает о производстве шелка в Пшате и Туапсе, и в других местах черкесского побережья. (Белл Дж. Дневник... С. 185).

Миссия Скасси в Пшате. Предприниматель и чиновник министерства иностранных дел Российской империи Рафаэль Скасси о княжеском семействе Индароко и жителях Пшатского ущелья. 1816 г.

Рафаэль Скасси – коммерсант, пытавшийся установить торговые отношения с прибрежными черкесскими племенами. Впервые Скасси побывал с торговой целью в Черкесии в 1811 г. Главным районом его деятельности стали окрестности Анапы и Суджук-Кале (Новороссийска), где жили натухайцы. Скасси пользовался поддержкой, с одной стороны, русского командования, а с другой — черкесских феодалов. В частности, на первых порах ему покровительствовал комендант Анапы генерал Бухгольц, женатый на черкешенке. Влиятельным кунаком Скасси в Натухае являлся князь Магомет-Индар-Оглы. Одно время он сотрудничал с Тебу де Марини. Впоследствии Скасси стал чиновником Министерства иностранных дел и в звании «попечителя» торговли с горцами развернул еще более активную деятельность по вовлечению черкесов в свои коммерческие предприятия. Однако деятельность Скасси натолкнулась на противодействие со стороны Ермолова, командовавшего в то время войсками на Кавказе. Русские власти на Кавказе не доверяли Скасси, который, однако, продолжал пользоваться поддержкой Министерства иностранных дел, возглавляемого Нессельроде. В 1828 г., во время русско-турецкой войны, у Скасси произошло столкновение с адмиралом А. С. Меньшиковым, руководившим осадой Анапы. На этот раз Скасси едва избе-

жал привлечения к судебной ответственности и был уволен с государственной русской службы.

Длительное общение Скасси с прибрежными черкесами дало ему возможность узнать многие стороны их жизни и особенно близко ознакомиться с их социально-экономическим строем. Публикуемая ниже записка Скасси представляет как бы краткую сводку всего того, что было известно Скасси о черкесах и прежде всего об их торговых связях с Россией.

(Данный комментарий и перевод текста выполнены В. К. Гардановым, составителем сборника «Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов»).

I. Извлечение из записки о делах Черкесии, представленной господином Скасси в 1816 году.

Г. Скасси в 1811 году прибыл в Анапу, снабженный рекомендательными письмами от герцога Ришелье к коменданту этого города и к коменданту Суджук-кале. Он принял на мение проникнуть в Черкесию и склонил на свою сторону кое-кого из ч е р к е с о в , живших поблизости Анапы и часто приходивших повидаться с генеральшей Буколец, урожденной черкесской княжной: она была захвачена в плен при взятии Анапы гравом Гудовичем и была

воспитана гравом Коковским. В сопровождении Измаила Баша, князя Нотокайги (Натухайского) и двух его людей, он перебрался через Анапскую заставу 20 октября 1811 года в 9 час. вечера, перешел через горы, отделяющие Анапу от Суджук-кале, и посетил наиболее видных князей натухайцев: те были информированы провожавшим его о торговых проектах его и об генуэзском* [Они знали генуэзцев по преданию. По имени черкесы знали только турок, которым продавали своих девушек, русских и с некоторых времен французов] происхождении и приняли его как друга. Исходя из их потребностей, Скасси искал наиболее подходящих средств, чтобы начать их цивилизовать. Привычка к независимости и привычка безо всякой разницы обращать в рабство всех тех, кто имел несчастье попасть в их руки, препятствовали им установить свободную торговлю с цивилизованными народами, и они оставались на первобытной ступени общества. Мало изменения произошло в их нравах со времени Милян (милетцев, греческих колонистов из Милема, основавших Пантикопей в Крыму. – Прим. С. Х.). С натухайцами Скасси завел

связи главным образом потому, что, обитая по берегу моря, они более подходили к его проектам, а народы, живущие позади их, по необходимости должны были зависеть от их торговли. Установив эти первые связи, Скасси возвратился в Анапу, а потом к герцогу Ришелье, который пригласил его искать средства использовать леса этой страны, чтобы вывозить оттуда, строительный лес для императорского флота. Для этой цели и чтобы приобрести доверие народа, Скасси отправил в Анапу русское судно с грузом соли, железа и других предметов первой необходимости для черкесов и сам сухим путем направился в Пшад в сопровождении своих первых провожатых. От князя Индакон (так в переводе Гарданова. – Прим. С. Х.) он получил надежду на добрый прием и судну, и его экипажу. По прибытии его жители скоро увидели, что та торговля, которую им теперь предлагали, предпочтительней той, что они видели с турками, и доверие их выросло... (пропуск в тексте). Тем доверием, которое

волю. Герцог Ришелье по возвращении Скасси в Одессу предложил ему взять на себя поставку строительного леса, нужного для складов Черного моря, и представил о том морскому министру.

В начале 1811 г. прибыла в Анапу по приказанию министра комиссия, составленная из трех морских офицеров, чтобы получить понятие о лесах этой страны и о средствах к эксплуатации строительного леса. Эти офицеры вынуждены были вернуться, не получив ни малейших сведений ввиду невозможности проникнуть вовнутрь страны и отказа князей, которые были на этот предмет приглашены в Анапу. Скасси получил самое великое доказательство безопасности, какой он мог пользоваться у этих народов, когда герцог Ришелье поручил ему свести в Анапу Гуссейну-паше фирман Порты, относившийся к миру 1812 г. Этим фирмансом Порта повелевала паша передать России пленников-дезертиров и весь скот, который черкесы угнали с границы. Скасси сел на корабль в Феодосии. Противный ветер препятствовал ему высадиться в Анапе. По его приказанию капитан приблизился к берегу и Скасси вылез на этой земле, не гостеприимной для всякого другого.

«В сем втором походе действий должно ожидать значительного от шапсугов сопротивления, так, по крайней мере, заключаю из доходящих ко мне до сих пор сведений. Шапсуги еще и не помышляют о покорности. На сих днях я имел случай доставить к ним один экземпляр прокламации Вашего Высокопревосходительства. Через два дня к лагерной цепи нашей выведен был одним шапсугом пакет, в котором найдена прокламация Вашего Высокопревосходительства изорванная в куски, более никакого ответа не приложен».

Копия с рапорта господину командиру Отдельного Кавказского корпуса командующего войсками на Кавказской линии, генерал-лейтенанта Вельяминова от 2 сентября 1834 г. // РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6288. Л. 144 об.

он внушал, он способствовал и тому спокойствию, которое царило в окрестностях Анапы и той торговле, которая там производилась в последний год войны с Турцией.

Обещания, данные гравом Буколец при эвакуации Анапы по Бухарскому договору, вождями натухайцев жить в добром согласии с русскими, не были обмануты, ибо они не захотели ввязываться в заговор Назира-эфенди и Навронов (вероятно, Навруза) для эмиграции ногайцев Егоровских.

Более ознакомившись с привычками и нравами страны, Скасси несколько раз присутствовал на съездах, слушающихся часто, где решают дела одной или нескольких народностей. При одном из этих случаев он предложил обменять соль и железо на строительный лес. После некоторых дебатов произошло соглашение и было позволено приставать с этим грузом вся кому судну, которое будет носителем пурконака*. [*Такере или паспорт, адресованный князю того места, где должно пристать судно, и снабженный печатью конаков (кунаков) или князем-покровителем]. Потом он требует срубить 700 бревен в Пшаде, чтобы испытать их добрую

— сообразно общему мнению, какое имели об этом народе и главным образом вследствие рапорта командира корабля «Рион», в котором он предупреждал адмирала, якобы жители Пшада из всех этих народов самые что ни на есть варвары, самые злодеи.

...Мы подняли паруса 11 июня в Каэзи, чтобы принять немного соли и других товаров, необходимых для обмена на лес. За два дня плавания мы прошли в Пшад. Я переехал на землю в маленькой лодке с одним офицером и шестью матросами. В большом числе сбежались обыватели, дружески нас приняли и, чтобы впечатлить нам больше доверия, к нам на борт прибыл сам князь пшадский. Офицеры и командир неоднократно ездили вовнутрь страны вместе со Скасси, чтобы обследовать леса и срубленные бревна, их повсюду чествовали, а между тем и в Пшаде, и в окрестностях они насмотрелись довольно на своих земляков-русских в рабском состоянии. Около двух недель мы оставались в Пшаде, где все сошло чрезвычайно спокойно. Сотня людей без оружия работала там спокойно на рубке и переноске подлежащего обмену леса, и нагрузка была закончена.

Князь Индаркан доверил господину Скасси по его просьбе своего сына и еще двух других молодых людей, родственников своих, чтобы показать им Крым и Питер, и как проектировал герцог. Но в виду отъезда герцога в Вену, Скасси доставил молодых людей обратно к родственникам после некоторого пребывания в Крыму.

27-го того же месяца мы вышли из Пшад и через три дня пришли в Севастополь.

Скасси продолжал свои дружеские отношения с этим народом, возил им соль и русские товары первой необходимости, чтобы отвратить черкесов от торговли с турками. Все суда, приходившие с его паспортами, встречали хороший прием.

В 1815 г. раздор произошел между шапсугами и карантином в Бугазе. Шапсуги в большом числе собирались за Кубань и вся страна черноморских казаков была в тревоге. Индаркан со своими друзьями по моей просьбе противопоставил свое влияние, чтобы остановить неудовольствие. Генерал Бороздин, губернатор страны, лежащий на границе, приехал в Бугаз и просил Скасси. Все устроилось дружелюбно, и губернатор увидел сам, что может Скасси в делах страны. Эта часть границы никогда не была более спокойная. Дружба этих народов, возможность торговать с ними, положение мира с ними, преимущество рубки у них строительного леса такого качества, какого нелегко было бы найти в другом месте, все это заслуга Скасси.

Натухайцы, атокаи, пшадуки (бжедухи) и малые абазы – все в том же дружеском от-

ПШАТСКАЯ ДОЛИНА

ношении с Россией. Потребовалось бы много жертв людьми и деньгами, чтобы погубить эти народы, и я даже не убежден в удаче. Находясь между Мингрелией, Грузией и Крымом, они перехватывают сообщения между различными провинциями.

Они займут многочисленную и дорогостоящую армию странами непредвиденных вторжений, если им постоянно не будет противопоставлено внушительных сил. В походы против них тщетно и пускаться. Их положение по месту, их бедность, их умеренность, их мужество, боязнь, чтобы русские не выгнали их в пустыни, опасения, внущенные им турками, – все эти причины сделали все усилия против них бесполезными, и если бы были лучше осведомлены об их обычаях и их привычках, их нравах, то испытывали бы средства более гуманно, чтобы прийти к той же самой цели.

Все мужчины с возраста 13-15 лет и до старости приучены носить оружие. Храбрость у них первая добродетель. Воспитание детей все направлено к тому, чтобы внушить им величайшую храбрость, воздержанность, повинование родителям и почтение к старикам. Вместо закона у них только обычаи, их языки не изображаются письменными знаками. Единственное искусство, которое они знают, имеет отношение к их оружию и к украшению их одежды. Правительства у них нет. Князья имеют много влияния на народ, но никакого авторитета. Права собственности там очень незначительны. Их религия есть смешение ксанизма и идолопоклонства. С некоторого времени несколько князей приняли магометанство, чтобы понравиться туркам, но в общем они атеисты. У них нет попов, нет храмов и самые древние те, что совершают моления при всех собраниях. Между собой они гостеприимны.

Какая бы ни была выгода соединить под единую администрацию в Севастополе и складочное место и арсенал в нескольких днях расстояния от неисчерпаемых лесов, значительные издержки на верблюдов стали бы ненужными.

II. Краткое извлечение. Заметка о торговых сношениях с Черкесией.

Причины настроенности черкесов, их ненависти против России таковы:

1. Дурное поведение запорожских казаков и других чиновников правительства против них.

2. Следствие внутренних войн.

3. Пророчество, существующее между ними, якобы они должны быть погублены Россией.

4. Подстрекательства турок.

5. Надежда захватить пленников и... (пропуск). Шапсуги, самые бедные между черкесами, наиболее склонны к набегам. Одна лишь торговля

может искоренить эти предрасудки. Только через посещение их просвещаются люди. Момент благоприятен, чтобы отстранить турок и сблизить черкесов с нами, — чума, которую они только что пережили, склоняет их к тому.

В конце сентября 1816 г. я в различных местах Кубани через посредство моих друзей собрал самых замечательных людей, и мне показалось, что они очень расположены и переменить свое поведение по отношению к России, и принять на себя обязательства, чтобы пользоваться лимитрофной торговлей и разделять себе то, в чем нуждаются, и не были бы более принуждены приносить болезненную жертву своими дочерьми, которых требуют турки.

Они же видели уже пример в моих устроениях в Пшаде и т. д.

Для того, чтобы торговля эта была полезна государству, необходимо ее основать на следующих предложениях.

1. Освободить ее от всяких препон, не необходимых для общественного блага.

2. Облегчить русским с р е д с т в а продавать ч е р к е с а м дешевле, неожи турки, и п о к у п а ть ч е р к е с с к и е товары за бо-

лее дорогую цену, чем турки.

3. Устроить для русских купцов облегчения, чтобы они могли быть снабжены всем тем, что необходимо для потребления черкесской страны.

Меры, принятые, без сомнения, в пользу казачьей казны, запретили свободу меновых рынков. Их отдали предпринимателям, которые откупили также водку и рыбные ловли. Эти предприниматели пренебрегают деталями рынков и сводят все на одну соль, тогда как черкесам нужны и другие товары. А цена соли ими так поднята, что черкесы предпочитают искать ее на очень большом расстоянии от себя в Анапе. Турки же с очень большими издержками принуждены приезжать с Мраморного моря или из Анатолии закупать русскую же, крымскую соль в Козлове и везти ее в Анапу. И, тем не менее, они ее продают черкесам дешевле, чем русские. Этой мерой рубится связь, которая могла бы удерживать черкесов в нашем соседстве; таким образом, на плохом понимании основанная скаредность предпринимателей приводит эти народы к тому, чтобы разбоями добывать себе то, чего они не в состоянии закупить за свои продук-

ты. Абсолютно необходимо иметь свободные рынки на границе Кубани и особенно в Бугазе.

Таможню в Бугазе необходимо уничтожить, чтобы привлечь черкесов, а то они идут снабжаться в Анапу всего лишь за 45 верст расстояния. Интересно было бы отвратить их от тех связей, которые там завязываются у них с турками. Открытие порта в Керчи хотя бы для торговли по черкесскому морю, свободное проникновение к нам черкесских продуктов – суть неизбежные меры, сближающие нас с этими народами. Но эти меры нужно принять в согласии с законами общественно-го здравия, одинаково соблюденного вдоль границ Кубани, Кавказского правительства и в Керчи для морской торговли. Все эти пункты зависят от разных авторитетов, но нужно их подчинить одному надзору в едином лице, которое постоянно могло бы обезпечивать все эти

соглашается проделывать эту дорогу, даже за двойное вознаграждение (фрахт), какое он получил бы в Константинополе. Туда и обратно к берегам Черкесии – это дорога, по меньшей мере, 13 дней. Как же идти терять шесть недель в Феодосии, чтобы потом грузиться в Керчи? Если бы позволили грузить в карантине в Керчи, как в Козлове, жители Керчи и Еникале повернули бы свои капиталы в эти обороты. Видимость недостаточно убедительна, чтобы решить в пользу сказанной торговли. Продукты Черкесии не довольно значительные и не представляют достаточно выгоды, чтобы идти обычной дорогой с соблюдением систем тарифов и местностей. Значит, нужен свободный доступ без оплаты для черкесских продуктов, снаженных сертификатами о происхождении и пришедших под русским флагом, а равно и уменьшение выходных пошлин на русские товары, идущие в Черкесию.

Заметки о сношениях с Черкесией и устройстве порта в Керчи.

Скасси сделал определение покупать строительный лес. Этот лес был лучшего качества, не ел и польский лес, которым пользовались на верфи в Николаеве и Херсоне. Служба кораблей была бы двойной продолжительности.

В 1816 г. воспоследовал указ Е. И. В. морскому министру относительно помощи Скасси в этом деле. Для этой цели отпустили контрагенту Скасси 100.000 пудов соли по 5 коп. за пуд из керченских соляных складов. Расходы по перевозке на его счет. Были даны распоряжения по портовым управлением Черного моря, чтобы облегчить операции Скасси. Вопреки этим распоряжениям, вопреки покровительству графа Ланжерона и содействию адмирала Грейга, Скасси ничего не встретил, кроме препятствия и препон. Не возлагая никаких надежд на морское министерство, Скасси стал думать о средствах обойтись без адмиралтейства. Он предложил правительству образовать транспортную флотилию.

Флотилия состояла бы из 12 судов-бригов и корветов и 2 лодок и стоила в общем 422.000 руб. Годичное содержание 82-85 тыс. руб., включая радуб (ремонт) и экипаж флота, находившегося в распоряжении графа Ланжерона. Флотилия должна была бы снабжать крепости и гарнизоны Мингрелии и Крыма, которые часто попадали в положение недо-

статка во всем самом необходимом. Это стоило бы правительству 500-600 руб. в год фрахта за чужие суда. В то же время это было легким средством доставлять лес из Черкесии, сдав провиантскую муку на соседнем берегу.

Морской министр не мог представить никаких возражений против общезвестной полезности этого проекта, но он все-таки напал на него и достиг своей цели, сославшись на то малое доверие, которое он внушил: высаживая на этот берег русских офицеров и матросов, подвергаешь их опасности, несмотря на дружбу, которую некоторые друзья -де могут питать к г. Скасси лично.

Сношения с черкесами поддерживались на личные пожертвования Скасси.

Казенная соль в 1816 г. проявлялась в Евпатории на берегу моря по 45 коп. пуд без всяких издержек. Скасси заставил ее в Керчи, где транспорт к морскому берегу увеличивал, по правде сказать, ее цену на 10-15 коп. Но казалось более выгодным грузить ее именно в этом порту, по причине близости его к берегам Черкесии, не сомневаясь в том, что может быть запрещено грузить соль в карантине, когда

в проливе Ени-Кале со стороны Керчи грузили и разгружали хлеб с борта судов в карантине, приходящих из Таганрога. Никаких облегчений со стороны управления Таганрогского и Феодосийского портов, между которыми разделяется авторитет над городом Керчи.

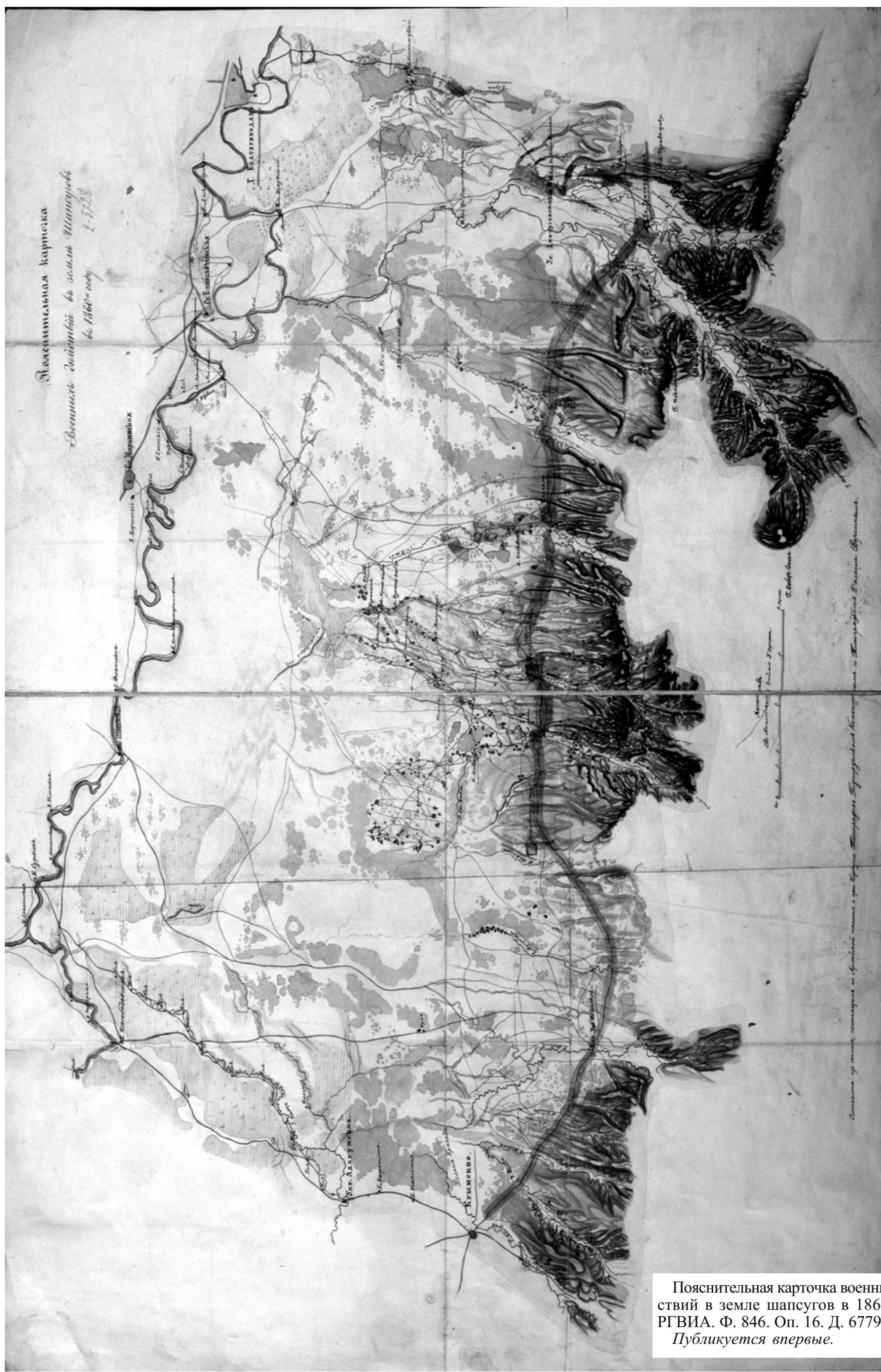
Привезли соль в Керчь, часть ее Скасси переправил в Камиш-Бурун, потом в Тарк-Буру и Порт-Караеви, где грузились зафрахтованные им корабли. Все эти перевозки подняли цену соли до 27 с половиной копеек за пуд.

Позиции черноморских казаков на Кубани были в совершенном покое с 1812–1818 гг. (исключая нескольких случаев индивидуального мелкого воровства) и если бы повеление Е. И. В. от февраля 1817 г. о водворении нескольких князей на берегах Кубани сопровождалось открытием меновых рынков, проектированных Скасси, то это их спокойствие никогда бы не нарушилось. Но князья-соседи, которые позволили себе уговорить сбратиться на съезды 1816 г. в Екатеринодар, Чемолеза, Бугаз, чтобы образовать эти учреждения, отдалились в силу неисполнения обещаний, им сделанных, а неблагонамеренные элементы внутренние, подстрекаемые турками, начали возвращаться к прежним привычкам, к разбою.

Берег Черного моря, который даже еще в 1811 г. был столь опасным, стал в своей части гостеприимным. Индар-оглу, Алихан-Гирей, Джюмбеш-оглу от Геленджика и до Субеша доставляли всяческую безопасность судам, которые посещали их берег в адреса этих князей, чтобы производить торговлю. Дружеский прием

«В 12-ть часов ночи (10.07.1838 г. – Прим. С. Х.) закубанские хищники, пользуясь темнотой, человек до 50-ти подошел к укреплению, по левую сторону реки Афипса находящемуся, первоначально бросили в укрепление Георгие-Афипское до 10-ти стрелок, сделанных из дерева, к концам коих прикреплены остроконечные ящики с набитым в середине горячим составом и зажженным в верху трутром, который проведен также во внутрь ящика для заджения состава, из числа сих стрелок три впали на крышу казачьей казармы, которая будучи покрыта камышом и соломой, зараз загорелась, но по распоряжению г. Борзика пожар был потушен... В заключение имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства, что покушения горцев произвести пожар в Афипском укреплении, могут быть нам не безопасны. Они и прежде всего бросали подобные стрелы, но только расторопностью воинских начальников были уничтожены гибельные для укрепления последствия. Я полагал бы необходимым строения в Афипском укреплении покрыть тесом; о чем и имею честь испрашивать разрешения Вашего Превосходительства».

Рапорт командующего Черноморской линии ген.-м. Заводовского 1-го командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории господину ген.-лейт. и кавалеру Граббе, № 202. 22 июля 1838 г. Екатеринодар // РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 198. Л. 44-44об.-45.

ПШАТСКАЯ ДОЛИНА

тех, кто туда являлся с 1811 г., дает в том гарантю. Кораблекрушение судна Скасси «Морская ласточка» (быстроходное легкое двухмачтовое судно) произошло 28 августа 1820 г., в эпоху, когда все эти народы жаловались на недостатки исполнения обещаний и на отсутствие Скасси. Во времена ужасной бури, которая сорвала этот корабль с его якорем, князь Индар-оглу подавал пример, он со своими сыновьями выехал в лодке, борясь с волнами, на помощь экипажу судна. Все те, кто сбежался на берег, присоединились к Индару. Спасши весь экипаж от опасности для их жизни, эти благородные черкесы расточали им всяческие заботы – одевали их, кормили, провожали их до русской границы через свои горы с проводниками и конвоями на защиту их от шапсугов, как рапортовал офицер, командовавший «Ласточкой».

Для достижения предложенной цели нужно убедить себя в необходимости снять у черкесов их страх перед нападением с нашей стороны, а единственное средство к тому – это ничего не основывать, кроме торговых предприятий.

Потом можно строить и крепости, но с очевидной целью защищать черкесов от нападения со стороны их соседей.

27 русских пленников были выкуплены в мес. октябре в 1816 г. частью на товары всего на сумму 8850 руб.

Общая ус. сумма расходов Скасси по устроению в Пшаде достигала суммы 157.721 руб.

Корабль «Ласточка» ценился в 28.745 руб.

Петербург, 20 июня 1821 года». (АБКИЕА. С. 281-290).

Безопасность торговли в Черкесии.

Важнейший аспект, подчеркиваемый Скасси – это безопасность торговли в Черкесии. «Рассматривая местные положения, – отмечает Скасси в рапорте Ермолову, – занимающие сими народами за Кубанью, нельзя не согласиться, что те из них, кои обитают по берегам Черного моря, между Геленджиком и Субешем, менее всех могут опасаться нападений наших; однако же, они более всех остаются нам верными и часто несколько судов наших вместе пристают к берегам их без всякого вооружения; но они всегда были неприкословлены, несмотря на то, что грузы судов сих заключали все, что только в странах этих считается самым богатством». (Рапорт к. с. Скасси ген. Ермолову, от 4 апреля 1826 года, № 63. – Керчь // АКАК. Т. VI. Ч. II. С. 495).

Причины неудачи миссии Скасси-Марини.

Причины неудачи своей (и Скасси) миссии Марини возложил на руководство: «Разные причины заставили меня подать в отставку, особенно же убеждение, что наши руководители никогда не воспользуются средствами, необходимыми для определения срока, который предложило русское правительство

ство в организации торговых связей с черкесами». (Марини Т. де. Поездки... С. 102). Обтекаемое, но понятное заявление, поскольку сами эти руководители направляли подчиняться правительству.

Позднее, в 1840 г., об этом недвусмысленно скажет Н. Н. Раевский: «Уже давно меновая торговля была заведена на восточном берегу Скасси, под покровительством правительства. Не принадлежит моему предмету излагать причины, по которым сия торговля не получила развития. Она прекратилась с присоединением сего края к России. Я тщетно искал в Керчи сведения о предметах и самом количестве предметов, которые были вывозимы к горцам, а равно и тех, которые от них были получаемы. С присоединением сего края, местное начальство предложило меры, состоящие в запрещении с нашей стороны всяких мирных и торговых сношений, в особенности вывоза соли, в которой горцы нуждаются. Кроме того, оно желало, чтобы всегда крейсирующая эскадра препятствовала всякому ввозу со стороны моря. Таким образом, полагали держать в тесной блокаде военные сорты тысяч жителей, обеспечивая их голодом и недостатком, и, наконец, покоряя их вторжениями в их горы. Хотя мы не успели ни в одном, ни в другом, и хотя наше положение на Кавказе не улучшилось, система сия находит еще защитников». (Записка ген.-л. Раевского о торговле с горцами и переселении на восточный берег // АКАК. Т. IX. С. 473).

В 1818 г. Марини подал в отставку. В этом же году случился пожар на складах миссии в Пшате. Виновными были, по всей видимости, плотники, привезенные Марини. Индар-оглу, тем не менее, чтобы успокоить жителей, поставивших свои товары на склады, взял все расходы на себя и восстановил склады за свой счет. Миссия удосужилась за весь 1819 г. отправить только одну шхуну с грузом соли, что было встречено с явным возмущением – «очень неприветливо» – со стороны черкесов Геленджика и Пшата. «Так обстоят сегодня, в 1820 году, дела с действиями русских на берегах Черкесии, – писал Марини, – и совсем нетрудно предположить, что они недостаточны для отвращения тамошних жителей от разбойничества и для того, чтобы их заставить осознать выгоду, которую будут иметь от налаживания коммерческих и дружеских отношений со своими соседями». (Марини Т. де. Поездки... С. 103-104).

Возможности миссии и сама ее организация оценивались Марини достаточно низко. «Неразумность такого поведения вызвала у этого народа весьма пессимистические размышления о процветании наших дел. «Мы всегда знали только вооруженных русских», – говорили они, – и этот народ постоянно проявляет величай-

шее желание захватить нашу землю. Наша храбрость, соединенная с могуществом султана, успешно противостоит ему, и в 1812 году он был вынужден возвратить то, что захватил у нас. Но, несмотря на опасности, которым подвергает нас появление такого опасного врага, мы все же соглашаемся на то, чтобы они пользовались священным правом гостеприимства, чтобы их корабли заходили в Пшат под управлением Скасси – торговца, которого мы знаем уже несколько лет и который обменивает строительный лес на соль. Этот человек обещал нам все необходимое для выгодной торговли, но далеко даже не мечтает о нашем процветании; он получает под нашими крышами хлеб и соль (гостеприимство. – Прим. С. X.) и обещает в то же время передачу нашей независимости России, и для достижения этой цели он ежедневно увеличивает число своих агентов на наших берегах, где благодаря ему появляются военные, и мы нисколько не сомневаемся, что торговля является только средством, чтобы посеять раздоры среди наших князей и построить склады, которые вы в случае необходимости превратите в крепости». Все эти рассуждения могли быть легко переданы паше Анапы этим народом, который сам не испытывал недостатка в уме и проницательности». (Там же. С. 50). Последнее замечание показывает со всей очевидностью, что Марини знал о разведывательной функции «торговой» миссии Скасси и не желал скрывать это обстоятельство от европейского читателя.

20 мая 1818 г. Марини сделал следующую запись в дневнике: «Князь Мехмет, пришедший пригласить нас на обед на завтра, вручил мне письмо к ген. Скасси, которое было написано на турецком языке одним человеком, давно уже проживавшим в ущелье Накопиш (между Геленджиком и Пшатом. – Прим. С. X.)». (Там же. С. 64).

Налаживание торговых связей с Черкесией явно не входило в число приоритетных внешнеполитических и, тем более, экономических задач для царского правительства. Абсолютно доминировал силовой, военный подход. Миссия Скасси, как представляется, в основном воспринималась как удобная ниша для проведения разведывательных мероприятий. Фактически, все участники этой миссии, включая Марини, поставляли сведения для армии и флота. «Добившись отпуска, – писал Марини, – я отправил в Одессу генералу графу де Ланжерону, новороссийскому губернатору, описание якорных стоянок у Геленджика и Пшата вместе с их планами, а также описание незнакомой части побережья от мыса Цуг до Геленджика. Граф де Ланжерон выразил мне в самых лестных выражениях свою признательность». (Там же. С. 104. О скры-

тых измерениях заливов Пшата и Геленджика, произведенных Марини, см. стр. 43, 47-49). Две других поездки, в 1823 и 1824 гг., в Черкесию Марини совершил уже в чине вице-консула Нидерландов в Черном море.

Князь Херхеулидзе, градоначальник Керчи и Ени-Кале, в 1835 г. отмечал, что торговля, организованная попечительством Скасси носила в значительной степени спекулятивный характер: «В мене соли наши купцы имели большие выгоды, получая от горцев в зерне хлеб, мерой вдвое и втрое более против количества соли». (Рапорт Керчи-Еникольского градоначальника кн. Херхеулидзе гр. Воронцову, от 5 августа 1835 года, № 3425 // АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. С. 638).

Сотрудники миссии.

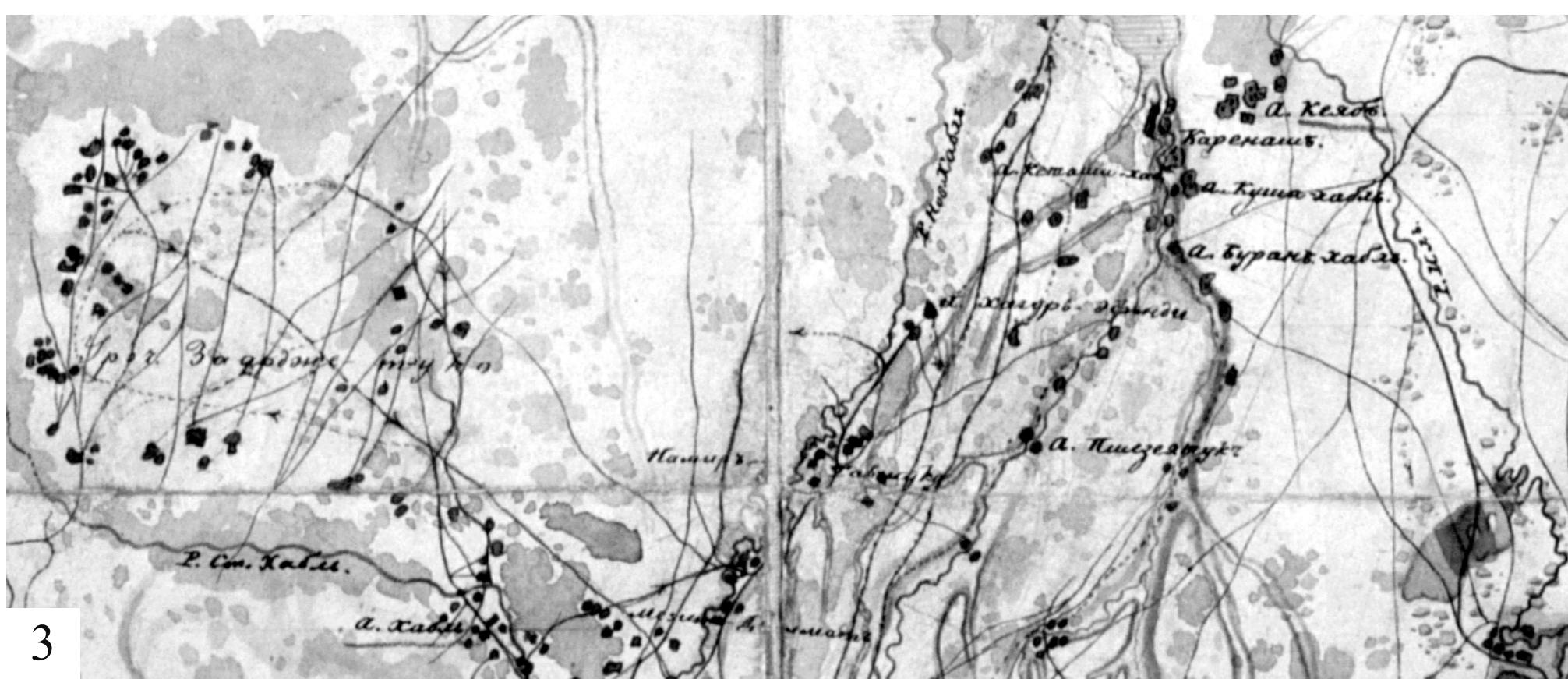
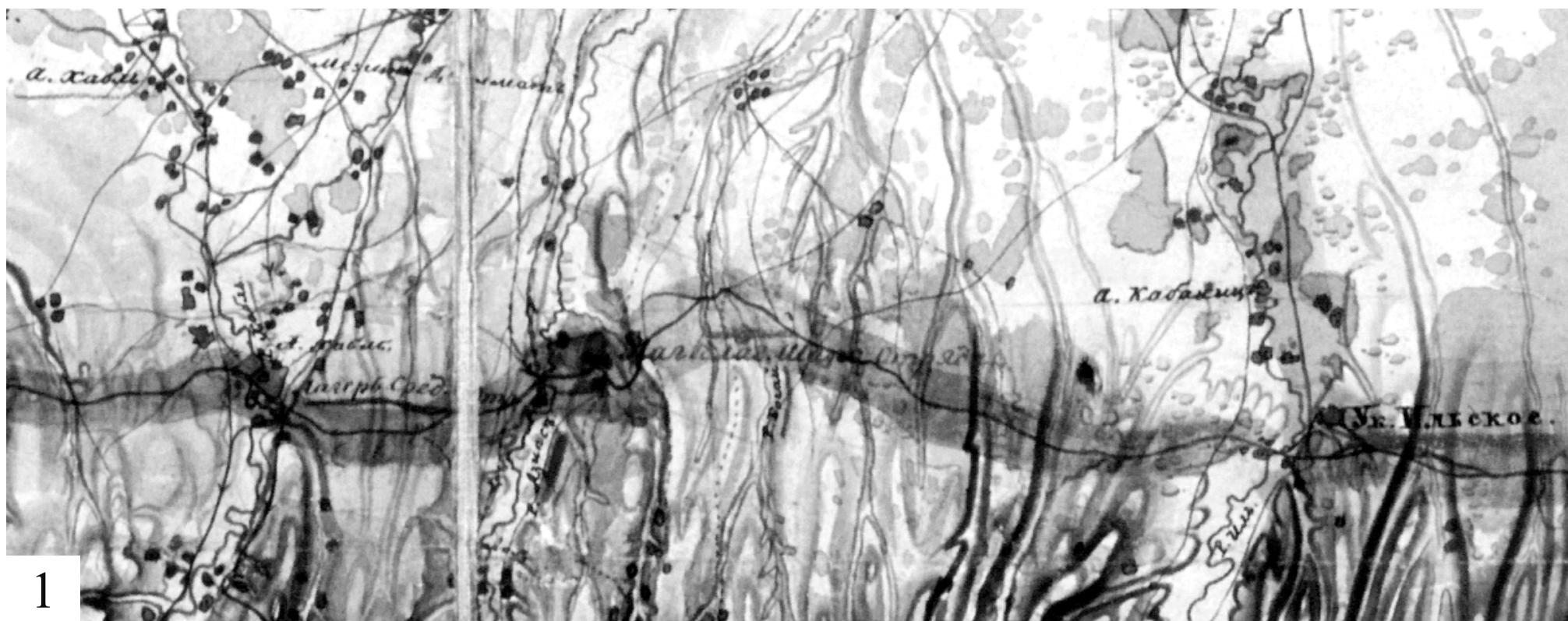
Тауш, сотрудник миссии Скасси и его представитель в Пшате, немец по происхождению, на момент первого визита Марини, проживал в Черкесии на протяжении 7 лет (с 1811 по 1818 г.): «Познания ген. Тауша меня очаровали. Этот комиссар был молодым немцем, которого обстоятельства вынудили перебраться на жительство к черкесам после занятий торговлей в Анапе, когда этот форт перешел к русским. Он в совершенстве изучил их язык, и ген. Скасси в своих первых испытаниях привязался к нему и назначил его позднее руководителем учреждения в Пшате. В течение 7 лет пребывания в этой стране он усвоил нравы и обычай здешних жителей, которые его очень полюбили. Он был настолько полезен в наших операциях, что я не сумел бы отыскать никого, кто мог бы заменить его». (Там же. С. 47). Во второй части своих записок Марини сообщает, что Тауш проживал в Черкесии с 16-летним возрастом. После отставки Марини, он также покинул службу у Скасси. Любопытная деталь состоит в том, что после этого Тауш три года проживает в Крыму «вместе с родителями, постоянно скучая о своей приемной родине». Затем он вновь вернулся на работу к Скасси: «его прежний начальник пожелал снова поручить ему руководство коммерческими связями с Черкесией, для которых он был просто необходим, и он ухватился за такую возможность возвратиться туда на транспортном судне». (Там же. С. 139).

После окончания русско-турецкой войны 1828-1829 гг., когда по условиям Адрианопольского договора, турецкое правительство передало России черноморское побережье Кавказа, роль знатоков Черкесии, коими являлись комиссары Скасси, возросла мгновенно. Они были мобилизованы правительством в качестве агентов, переводчиков, переговорщиков. Через них российские власти пытались влиять на настроение черкесского общества с тем, чтобы убедить большинство в необходимости согласиться с условиями новой

политической реальности.

Тауш, в этот период являвшийся чиновником II класса ведомства Иностранной Коллегии, был направлен капитаном генерального штаба Г. Новицким, действовавшим по поручению фельдмаршала Паскевича, в Анапу на переговоры с натухайцами (ноябрь 1830 г.). (АКАК. Т. VII. С. 896). 3 января 1831 г. коллежский секретарь Тауш доносил Новицкому, что «он начал и продолжает переговоры с натухайцами успешно. Пружиной тайных сношений с почтенейшими из натухайцев употреблен Сефер-бей (бывший бим-бashi турецкий), который со всей готовностью старается соединить противные партии на нашу сторону. По его старанию, как уведомляет Тауш, назначены были сначала собрания у натухайцев в двух местах: на р. Ахосе присутствовало поколение простых натхокуадж с дворянами Супако; а на р. Сукко – поколение Гуайе из простых с дворянами Корзек и Куйцук. Сефер-бей переехал то в одно, то в другое собрание и действовал по мере возможности в нашу пользу. Неприбытие почтенейших из отдаленных мест было причиной, что в собрании сем не сделали ничего решительного. Сефер-бей приступил к новым мерам, уговорил народ назначить новое собрание на р. Адагум и пригласить к совещаниям шапсугов; но чем кончится сие собрание, трудно решить. Тауш имеет наставление от меня во время переговоров с ними предлагать им покорность безусловную, в полной надежде, что их собственность будет неприкосненна; но чтобы русские отряды везде могли проходить без всяких с их стороны препятствий». (Рапорт шт.-к. Новицкого гр. Паскевичу, от 16 января 1831 года, № 6. – Екатеринодар // АКАК. Т. VII. С. 901). Упомянутый в этом документе Сефербей – тот самый Сефербей Заноко, который потом покинет Черкесию и станет главным рупором борьбы за независимость. Следующий рапорт Новицкого от 8 марта 1831 г. вновь представляет нам Сефербя Заноко в качестве одного из главных сторонников мирного вхождения в состав Российской империи. Тауш из Анапы докладывал Новицкому, что собрание натухайцев и шапсугов проходит на Адагуме и, что «в собрании сем... действовал преимущественно в нашу пользу Сефер-бей, князь общества Хечайк (Хегайк. – Прим. С. X.)». (Там же. С. 901). В записке капитана Новицкого за 1831 год (без точной даты) говорится: «Тауш через посредство Сефер-бя успел не только отклонить натухайцев от шапсугов, но еще посеял между ними взаимную недоверчивость». (Там же. С. 908).

В 1830 г. Тауш представил начальству этнографическое обозрение черкесских племен – «Описание черкесских закубанских племен, принадлежащих к правому флангу Кавказ-

Аулы Большого Шапсуга в 1860 г. По данным «Пояснительной карточки военных действий в земле шапсугов в 1860 году» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6779) и исследованиям Л. Бонч-Бруевича и А. С. Корганова

гуславского и А. С. Корганова.
Фрагмент 1. Этот фрагмент демонстрирует нам аул Кабаниц на реке Иль. «Кабаниц, — писал Л. Богуславский, — лежал

на обоих берегах Иля, раскинувшись в густом лесу более чем на 3 версты вверх по реке, и состоял из нескольких, один возле другого расположенных аулов». С этого аула начались весной 1860 г. военные операции так называемого Шапсугского отряда под начальством ген.-м. Рудановского: в ходе 9-дневных боев, с 27 апреля по 5 мая, Ка-

баниц был полностью уничтожен. (Богуславский Л. История Апшеронского полка. 1700-1892. Т. II. СПб., 1892. С. 320-322). Отряд Рудановского состоял из 16 батальонов, роты сапер, роты черноморских пластунов, 6 эскадронов драгун, 8 сотен казаков, 20 орудий, 8 ракетных станков.

репление Ильское, которое было основано на месте аула Емпсихиако, уничтоженного 9 мая отрядом ген.-м. Рудановского. (Там же. С. 322). Выше а. Емпсихиако, на Иле 11 мая «кособая колонна, под начальством подполковника Геймана производила очистку местности у передового редута и сожгла впереди лежавший аул». (Там же. С. 323).

Этот фрагмент содержит указания на два аула с названием Хабль и множество безымянных аулов по рекам Хабль и Азипс.

Фрагмент 2. Также содержит указания на существование множества аолов по рекам Афипс и Шебш. Из названий географических объектов выделяется гора Покашебш и долина Хоп-

АУЛЫ БОЛЬШОГО ШАПСУГА

сыль, с правой стороны Шебша. Три аула с названиями – Курагуко, Догуай и Курак-цаку. О последнем упоминает Богуславский в связи с действиями Шапсугского отряда в сентябре 1860 г.: «В то же время, начальник отряда не упускал случая наносить вред туземному населению, разоряя аулы и истребляя запасы: так, например, уничтожен большой аул Курак-цако, лежавший в ущелье того же имени». (Там же. С. 330).

Фрагмент 3 демонстрирует густонаселенный район рек: Иль, Старый и Новый Хабль. Обращает на себя внимание урочище Заардже-туко, облепленное по кругу сетью аулов. Уверенно читаются следующие названия: Намир, Пшезятук, Хагур-Эфенди, Буран-хабль, Кушахабль, Каренаш, Кеташи-хабль, Кеяб. Несколько названий читаются лишь частично. Целый ряд аулов отмечен без указания названий. Аул Кеяб на р. Азипс, в группе «огромных аулов в низовье реки», упоминается А. С. Коргановым: уничтожен 11.12.1860 г. Шапсугским отрядом под начальством свиты его величества ген.-м. Святополк-Мирского. Жители успели бежать: «казаки и драгуны неожиданно атаковали аул, захватили 7 лошадей, до 700 штук рогатого скота и более 1600 штук баранов. Во время стремительной атаки на аул Кияб было застигнуто там врасплох и небольшое число горцев, которые изрублены северцами. Более 1500 дворов, с запасами сена и хле-

ба, было уничтожено». (История 45-го драгунского Северского его величества короля датского полка. Составил того же полка подполковник А. С. Корганов. Тифлис, 1884. С. 102).

Группа безымянных аулов, указанных на карте 1860 г., восстанавливается, если и не полностью, то в значительной степени, на основе сведений Богуславского и Корганова.

Группа аулов на Убине, уничтоженных подразделениями Шапсугского отряда в период с 14 по 18 мая 1860 г. (Богуславский Л. История... С. 323).

30 аулов, по реке Убин и на пространстве между Убином и Афипсом. «С 24 мая по 1 июня разорено и совершенно уничтожено до 30 неприятельских аулов, течение Убина и большая часть пространства между ним и Афипсом очищены от неприятельских жилищ». (Там же. С. 324).

А., название не упоминается, был расположен в районе 4-й балки Хагезук, по Анапской дороге. (Там же. С. 324).

40 аулов в долине р. Бугундыш и его притоков, уничтоженных Адагумским отрядом в период с 7 по 9 июля 1860 г. (Корганов А. С. История 45-го драгунского... С. 94-95).

Группа аулов Этогуако, количество не указано, но по контексту ясно, что их было больше двух, на левом берегу Шебша, в 3 1/2 верстах от укрепления Григорьевского вверх по течению. Укрепление было заложено 22.07.1860 г., а 23.07. «не ос-

танавливая начатых работ, генерал Рудановский, с 3 1/2 батальонами, дивизионом драгун и 2-мя сотнями казаков, при 4 орудиях, двинулся вверх по левому берегу р. Шебша, чтобы осветить переди лежащую местность и уничтожить близлежащие неприятельские аулы, жители которых, убирая поля в виду отряда, беспокоили наше лагерное расположение. Пройдя 3 1/2 версты, колонна на рассвете подошла к аулаам Этогуако, расположенным на весьма пересеченной местности, в густых садах. Выведив горцев из двух крайних аулов, отряд занял позицию на гребне глубокой балки, разделявшей аулы и доходившей до самой реки. Взятые аулы немедленно сожжены, а большие запасы только-что собранного хлеба уничтожены». (Богуславский Л. История Апперонского полка... С. 327).

А. Схунукояк, «имевший до 1000 сакель», на правом берегу Афипса. Уничтожен Шапсугским отрядом под личным руководством Рудановского на рассвете 7 августа 1860 г. (Там же. С. 327). На рассвете этого же дня Адагумский отряд уничтожил большой аул Мерчан на Абине. (См. следующий пункт).

А. Мерчан, «весма населенный», на правой стороне Абина. На рассвете 7 августа 1860 г. окружена и атакована тремя колоннами Адагумского отряда: «в одно мгновенье от рук усердных драгун аул запыпал во всех концах; часть имущества была сожжена, разметана, уничтожена;

другая же и большая часть досталась войскам... Хлеб, находившийся на полях, за исключением значительного запаса для драгунских и прочих лошадей, увезенного в лагерь, был также сожжен... Кроме пленных, имущества и зернового запаса у них оказалось еще 828 штук рогатого скота и четыре лошади». При приближении отряда к аулу он был обнаружен шапсугским секретом и многие жители успели бежать. Отмечается, что только при первой атаке драгун они «изрубили 22 человека и 14 человек взяли в плен, не считая многих женщин и детей». (Корганов А. С. История 45-го драгунского... С. 98-99).

8 аулов в ущелье Афипса. 17 августа начальник Шапсугского отряда ген.-м. Рудановский устроил облаву и, отрезав пути к отступлению, усилиями трех колонн «уничтожил в ущелье Афипса 8 больших аулов с запасами только что собранного хлеба». (Там же. С. 328).

17 аулов в ущелье Шебша, «вместе с большими запасами хлеба» уничтожены 23.08.1860 г. тремя колоннами Шапсугского отряда. (Там же. С. 329).

38 аулов в Афипском ущелье. Уничтожены 21-23.09.1860 г. Шапсугским отрядом под командованием Рудановского: «38 больших аулов и множество отдельных хуторов, с громадными запасами хлеба и домашним хозяйством. Таким образом, Афипское ущелье было совершенно очищено от населения». (Там же. С. 332).

«Весь октябрь и ноябрь меся-

цы прошли в работах, прерываемых движениями для уничтожения неприятельских аулов и запасов. В конце ноября отрядам главному и средне-Шапсугским и Адагумскому дан был отдых». (Там же. С. 332).

«Большой шапсугский аул», у входа в ущелье Азипса, уничтожен колонной под личным началом князя Святополк-Мирского 14.12.1860 г. (Корганов А. С. История 45-го драгунского... С. 102). Беженцы из этого аула были застигнуты в 8 верстах – в боковом от ущелья овраге: «Северцы и казаки, поддержаные тенгинцами, быстро спустились в овраг и там в разных пунктах застигли горцев врасплох. При появлении нашей кавалерии они обратились в бегство, оставив в руках ее до 200 штук рогатого скота, более 600 баранов, много имущества и разных товаров, а также трех пленных, взятых северцами, и два тела». (Корганов А. С. История 45-го драгунского... С. 103).

Итоги действий Адагумского и Шапсугского отрядов на протяжении 1860 г.: «совершенное очищение всей плоскости между реками Адагумом и Супсом от неприязненного нам населения. На всем этом пространстве, выше 2.000 квадратных верст, не осталось ни одного сколько-нибудь значительного аула, и не только жилища шапсугов, но и все их запасы истреблены». (Богуславский Л. История... С. 332).

ской линии, именно: Абадзех, Шапсух, Натухажцев и Абазинцев». (РГВИА. Ф. 14257. Оп. 2. Д. 102).

В рапорте Кодинца гр. Воронцову от 29 августа 1830 г. сообщается о том, что комиссар Люлье направил в Джубгу «преданного нам с давнего времени закубанца», который должен был разузнать о действиях турецкого паша Сеид-Ахмета. (АКАК. Т. VII. С. 893).

В 1835 г. обсуждался вопрос о возобновлении деятельности, направленной на обеспечение торговых связей с черкесами. Через посредство торговли намеревались склонить население Черкесии к признанию покорности российскому правительству. В этой связи сразу вспомнили опыт Скасси и его ведущих комиссаров: «Чиновников, состоявших при Попечительстве и числящихся при ген. Вельяминове Ашика, Тауша и Люлье послать в вышеупомянутые пункты (Суджуккале, Геленджик и Пшат. – Прим. С. X.) для возобновления дружеских и торговых сношений и извещения горцев о присыпке соли и прочих товаров». (Отношение гр. Канкрина к гр. Воронцову, от 7 мая 1835 года № 7626 // АКАК. Т. VIII. С. 639).

В отношении барона Розена к графу Канкрину от 2 октября 1835 г. говорится: «Из состоявших при бывшем попечителе чиновников, самые для сего способные

– числящиеся ныне при ген. Вельяминове, Тауш и Люлье, сроднившиеся с черкесами, совершенно знающие их язык и обычай и имеющие многих между ними приятелей». (АКАК. Т. VIII. С. 641). Тут же барон Розен вспоминает и о Тэбу де Марини: «Голландский консул в Одессе Тетбу, который провел несколько лет на берегах Черкесских для видов торговых и ныне издал в свет свою заметку о сем крае, охотно согласился бы возобновить связи с горцами, если бы правительство дало ему на первый случай некоторое вспомоществование и принял его под особое свое покровительство. Он имеет два собственных судна, что облегчало бы все его предприятия». (Там же. С. 642).

Закономерно, что вспомнили и о главном кунаке Скасси – Индар-оглу. Граф Воронцов графу Канкрину (18.05.1836 г., Одесса): «я полагал бы, впредь до издания предполагаемого общего положения о торговле с горскими народами, разрешить, на первый случай, доступ нашим купеческим кораблям, по крайне мере в черкесское прибрежное местечко Пшад, на которое купцы преимущественно указывают, принимая всякую в том месте торговлю на свой страх и обязанность не беспокоить никаких-либо приключений, которых, впрочем, не предвидится;

ибо место сие есть пребывание черкесского князя Индар-оглу, известного многими опытами усердия его к нам во время бывшего Попечительства торговли нашей с горцами». (Там же. С. 643-644).

Тауш участвовал в экспедиции Вельяминова на Пшат в 1837 г. Генерал Г. И. Филиппсон, тогда молодой офицер, вспоминал: «На другой день по нашем приходе в Геленджик нам дали знать, что пятеро горских старшин приехали к аванпостам для переговоров с г. Вельяминовым. Это были пять стариков, очень почтенной наружности, хорошо вооруженные и без всякой свиты. Они назывались уполномоченными от натухайцев и шапсугов. Вельяминов принял их с некоторой торжественностью, окруженный всем своим штабом... Переводчик К. И. Тауш назвал всех их по имени. Он их знал лично и, проникнутый уважением к высшей черкесской аристократии, с какой-то торжественностью титуловал каждого названного узденем 1-й степени». (Воспоминания Григория Ивановича Филиппсона. М., 1885. С. 132).

Марини также подчеркивает увлеченность Тауша черкесской культурой. (Марини Т. де. Поездки... С. 138). Вполне вероятно, что среди этих старшин присутствовал и Индароко, а указание на статус узденей 1-й степени перекликается с указанием Белла о том, что Индароко не являлся

князем-пиши в точном смысле этого понятия.

Знание местности и населения, которым обладали сотрудники миссии Скасси, впоследствии использовались в военных целях. В октябре 1836 г. генерал-майор Фезе, руководивший уничтожением натухайских аулов, в своем рапорте хвалит «за совершенное усердие» состоявшего при нем титулярного советника Люлье. (Журнал действий отряда под командой ген.-м. Фезе. (С 5 по 10 октября 1836 г.) // ЦГИАГ. Ф. 416. Оп. 2. Д. 24. Л. 129).

Люлье проживал в Пшате на протяжении 5 лет, о чем сообщает поручик Н. В. Симановский, участник экспедиции Вельяминова 1837 г.: «Моя рота занимала большой аул, чтобы никто не смел ничего в нем трогать. Я ходил по саклям, и они мне чрезвычайно понравились, особенно княжеская, в которой Люлье жил 5 лет, в ней чрезвычайная чистота». (Дневник поручика Н. В. Симановского... С. 404).

Белл о Тауше: «Говоря о Тауше, я могу представить вам его краткую биографию, ибо та дает нам возможность понять вероломную сущность русского завоевания. Тауш является австрийским подданным (и, таким образом, изменником интересам своей родины). Пытаясь (по совету герцога де Ришелье и, возможно, и сам искренне) завоевывать дружбу черкесов, торгуя с

ними, Тауш впервые появился в Черкесии в качестве купца и демонстрировал такую необычную щедрость в своих деловых сделках и учивость в своем общении с ними, что легко приобрел друзей повсюду, куда бы ни отправился. Тем самым он получил возможность в течение многих лет посеять большинство северных территорий Черкесии и великолепно овладеть черкесским языком. Его квазикоммерческие проекты содействовали прекращению внезапно начавшейся в 1829 году войны. Вскоре после этого ему удалось уговорить Аббатов, как о том было сказано выше, сопровождать его и одного инженера по той дороге, по которой позже проследовали генерал Вельяминов и его армия. Тауш сопровождал армии захватчиков каждый последующий год. Он обычно являлся главным переводчиком, когда кто-либо из прежних его знакомых появлялся в русском штабе для обмена пленниками или в иных подобных делах; и дабы, вероятно, придать ему значительность в глазах этих людей, он ныне появляется со знаками отличия и чине русского майора. Черкесы называют его Карло; и я слышал, как некоторые из них говорят о нем, как будто еще считают его своим другом». (Белл Дж. Дневник... С. 328-329).

Самир ХОТКО.